

Глава 10. Нападение

К ужину перед Гу Цзицином действительно выложили несколько золотистых, аппетитно пахнущих яичных лепёшек. Цяо Инь как раз аккуратно нарезал их ножом на небольшие кусочки, чтобы Цзицину было удобнее есть.

Цзицин перевёл хмурый взгляд на парочку незваных гостей, явившихся на халяву, и язвительно спросил:

— Вы-то двое зачем припёрлись?

Му Фэйфань мягко улыбнулся:

— Ну что ты такое говоришь, Цзицин? Мы ведь столько лет дружим. Ты уже прилично здесь прожил, почему бы мне тебя не навестить? Что в этом плохого?

— Моя прелесть ворчит, что я готовить не умею, — подхватил Цзян Му. — Вот и пришёл поучиться у старшего брата Цяо.

Гу Цзицин тяжело посмотрел на Цяо Иня. Тот и без слов прекрасно всё понял. Он молча положил аккуратный золотистый треугольник лепёшки в его пиалу и негромко произнёс:

— Попробуй.

Это стало последней каплей. Цзицин взорвался. С грохотом хлопнув ладонью по столу, он вскочил со стула и заорал на всю комнату:

— Вы что, охренели совсем?! Мой дом — проходной двор, что ли? Я вас звал вообще?! Ладно Фэйфань с Цзян Му, но ты-то, Цяо Инь, какого хрена тут забыл?! Слышишь, ты мне никто! Те времена, когда мы трахались, давно прошли! С чего ты взял, что можешь вваливаться сюда, когда вздумается? Подумаешь, готовить он умеет! Не надейся, сука, я сожру твои лепёшки и даже спасибо не скажу. Думаешь, подкормишь меня — и всё на круги своя вернётся? Ошибаешься! Я тебе не подстилка дешёвая, которую можно поманить, когда скучно, а потом вышвырнуть пинком под зад! Меня от одного твоего вида тошнит! Пошёл вон отсюда к чертям собачьим!

От этой бешеной тирады все за столом опешили. Му Фэйфань первым пришёл в себя, поднялся и осторожно потянул друга за рукав:

— Цзицин, ну ты чего? Успокойся, давай поговорим нормально.

Цяо Инь промолчал. Он лишь горько нахмурился, не отрывая взгляда от лица Цзицина. В его

взгляде застыли невыносимая тоска и обида, что Цзицин на мгновение опешил: ему вдруг показалось, будто это он сам во всём виноват.

— Приятного аппетита. Я, пожалуй, пойду, — Цяо Инь коротко кивнул остальным и поднялся.

Он не стал оправдываться или спорить. Просто повернулся и побрёл к выходу. Он уходил, сгорбившись, и выглядел настолько одиноким и потерянным, что у каждого невольно сжалось сердце.

— Цзицин, ну перебор же, — вздохнул Му Фэйфань. Он не знал всех тонкостей их прошлых отношений, но, глядя на то, как уходил Цяо Инь, никак не мог поверить, что этот человек когда-то подло предал друга.

— Перебор?! — яростно огрызнулся Гу Цзицин, хватая со стола пиалу с кашей и в один глоток осушая половину. — Я отдал ему семь лет жизни! От невинных прогулок за ручку до постели — он был моим единственным! Но стоило мне уехать за границу всего на полгода, как эта тварь завела себе хахалю и кувыркалась с кем попало прямо на моей кровати в моей же квартире! А потом просто бросил меня по телефону, мол, «мы расстаёмся». И всё! Между нами всё кончено! Тогда я ушёл красиво, не устраивая истерик. А теперь он приполз обратно и лезет ко мне без мыла в задницу! Раз он сам себя не уважает, с какой стати я должен церемониться?!

Фэйфань промолчал. Чужая душа — потёмки, а уж чужие отношения — и подавно. Третий здесь всегда лишний. И всё же, зная характер Цяо Иня, ему верилось с трудом, что тот мог так хладнокровно растоптать чувства Цзицина.

За столом повисло тяжёлое, неловкое молчание. Му Фэйфань засобиравшись уходить. Цзицин не стал его задерживать: когда он был не в духе, под горячую руку мог попасть кто угодно. Ему и самому не хотелось срывать злость на друзьях.

Один лишь Цзян Му ухмылялся от уха до уха. Уходя, он без зазрения совести прихватил парочку яичных лепёшек.

— Спасибо за угощение, старший соученик Цзицин! — весело крикнул он уже из дверей.

Цзицин хотел было прикрикнуть, чтобы тот не трогал чужое, но вовремя прикусил язык. Он лишь проводил наглого гостя испепеляющим взглядом.

Оставшись один, Гу Цзицин вернулся к столу. В его тарелке всё ещё лежали ровные треугольники, бережно нарезанные Цяо Инем. На душе скребли кошки. Он нехотя подцепил палочками кусочек и отправил в рот. Хрустящая корочка, нежная, тающая начинка... Этот вкус отозвался в груди щемящим, болезненным теплом.

Лэй Цзюнь поднялся на рассвете. Проснувшись от шума, Линь Хэ решил не валяться в постели и тоже встал.

— Мог бы ещё поспать, — не оборачиваясь, бросил Лэй Цзюнь. Он стоял перед открытым гардеробом, подбирая вещи. — У меня сегодня съёмка для журнала, освобожусь только к вечеру.

— А можно мне с тобой? — Линь Хэ сладко потянулся. — Никогда не видел, как работают профессиональные модели и актёры. Интересно посмотреть.

— Поехать-то можно, — ответил Лэй Цзюнь, — только учти: я буду по уши занят и вряд ли смогу уделить тебе время. Скука смертная. Не думал, что тебя интересует мир моды.

Глядя на привычки этого неисправимого затворника, действительно трудно было представить его на гламурной фотосессии среди софитов и вспышек камер.

— Писатель обязан использовать любую возможность, чтобы прочувствовать разные грани жизни, — резонно заметил Линь Хэ, натягивая привычные джинсы. — Ведь наши герои могут быть представителями самых разных профессий.

— Если едешь со мной, эту рвань тебе придётся снять, — вздохнул Лэй Цзюнь, смерив спутника безнадежным взглядом.

Тот довёл повадки типичного хикикомори до абсолюта: носил одни и те же вещи по три дня подряд, не думая о стирке. Даже дорогая одежда из элитных тканей сидела на нём так, словно её откопали на дешёвой барахолке.

— А что не так? — Линь Хэ опустил голову, оглядывая себя с явным недоумением.

— Если мои визажисты, стилисты и фотограф увидят тебя в таком виде, у них случится коллективный инфаркт, — усмехнулся Лэй Цзюнь.

Он достал из шкафа стильный комплект и протянул Линь Хэ. Заметив, что парень лишь растерянно моргает, актёр вздохнул и принялся сам его раздевать.

— Ума не приложу, как тебе удаётся описывать своих персонажей такими холёными и элегантными, — ворчал он, расстёгивая на Линь Хэ рубашку.

Линь Хэ послушно стоял, не выказывая ни капли смущения, пока Лэй Цзюнь стягивал с него старую одежду, и прилежно вытягивал руки, облегчая задачу.

— А ты не замечал? — тихо пробормотал он, пока над его головой шуршала новая футболка. —

Я вообще почти не описываю одежду. Мне гораздо интереснее копаться в их сути...

— В какой сути? — Лэй Цзюнь бросил ему брюки, предлагая одеваться дальше самому, а сам повернулся к зеркалу, чтобы уложить волосы. Статус обязывал его выглядеть безупречно при любом выходе в свет.

— Ну... смотри, — Линь Хэ запрыгал на одной ноге, натягивая штанину. — Взять, к примеру, тебя. Ты держишься очень сдержанно, но если бы я писал о тебе, то показал бы ярким, тёплым и открытым, как летнее солнце. Потому что это твоё настоящее «я». Просто шоу-бизнес научил тебя прятать этот свет под маской приличия. А вот мой старший брат — полная твоя противоположность. Он дикий, необузданный, дитя первородной тьмы. Днём он может притворяться приличным человеком, но своей мрачной натуры ему не изменить. Или взять твоего агента, Чжун Цзыбая... Вот уж кто максимально честен с миром: безответственный, наглый мерзавец...

Линь Хэ забавным жестом сморщил нос. Воспоминание о вчерашнем утре, когда этот тип так бесцеремонно облапал его, до сих пор вызывало глухое раздражение.

— И часто у тебя включается этот писательский рентген? — Лэй Цзюнь удивлённо замер с расчёской в руке и обернулся к нему.

Его поразило, насколько точно Линь Хэ уловил самую суть. То, что обычные люди не замечали годами, этот парень раскусил без труда.

— Да нет, просто интуиция и умение подбирать нужные слова, — Линь Хэ застегнул ремень и привычно опустил на корточки, снизу вверх разглядывая актёра. — А ты и правда чертовски красив. Теперь понятно, почему по тебе все с ума сходят.

Лэй Цзюнь невольно улыбнулся:

— Спасибо за комплимент. Но у тебя поклонников не меньше, твои книги обожают миллионы. Только меня любят за смазливое лицо, а тебя — за то, что у тебя внутри. Так что это тебе повезло гораздо больше.

«Но если ты видишь людей насквозь, — промелькнуло в голове у Лэй Цзюня, когда он поймал на себе этот чистый, искренний взгляд, — неужели ты действительно не замечаешь моих чувств? Или просто делаешь вид, что ничего не происходит?»

К тому времени как они закончили сборы, у дома затормозил минивэн Джули. На этот раз Лэй Цзюнь решил не светиться на своей вызывающе роскошной «Феррари». Схватив Линь Хэ за руку, он увлёк его в салон неприметного автомобиля, и они покатали в сторону фотостудии.

Возле студии Лэй Цзюнь и Линь Хэ вышли первыми, пока Джули искал место на парковке. Как

только они переступили порог павильона, навстречу им тут же высыпала шумная толпа организаторов.

— Наш золотой мальчик приехал!

— Сестра Сун, живо Лэй Цзюня на грим!

— Где костюмы?! Несите вешалки сюда!

— Алекс готов?

— Где носит Джули? Нужно срочно утвердить локацию для уличных кадров!

— Почему на заднике не хватает одного щита?!

— Алекс забраковал кресло! Тащите другое, нужно золотое! Срочно!

Сотни голосов сливались в один оглушительный гул, в павильоне царил такой хаос, будто они оказались на стройплощадке в разгар рабочего дня.

Линь Хэ забился в уголок, с любопытством наблюдая за суматохой. Он достал блокнот и увлечённо делал наброски.

Наконец Лэй Цзюня накрасили и переодели. Но едва он вышел на свет, фотограф Алекс недовольно поморщился — результат явно не соответствовал его задумке. Пошушукавшись с визажистами, он скомандовал вернуть звезду обратно в гримёрку на доработку.

Тем временем в студию влетел запыхавшийся Джули. Сжимая в руках персональный термос Лэй Цзюня с тёплым травяным отваром для связок, он пулей устремился в гримёрную.

Когда Лэй Цзюня выкатили обратно, его образ претерпел кардинальные изменения: теперь он выглядел брутально и дико. Алекс обошёл его кругом, критически прищурился, шагнул вперёд и безжалостно взъерошил ему волосы. Удовлетворённо хмыкнув, он махнул рукой в сторону софитов — съёмка началась.

— Бедняга, — прошептал Линь Хэ из своего угла, сочувственно наблюдая, как актёра вертят во все стороны. — Затискали совсем.

Позируя перед камерой, Лэй Цзюнь то и дело отыскивал взглядом Линь Хэ. Обнаружив его свернувшимся калачиком на самом краю площадки, он не удержался от улыбки. И как ему только удаётся приткнуться в любой щели? Никакие дорогие шмотки не могли перебить

врождённую повадку этого парня сливаться с местностью. Глядя на то, как тот сиротливо жмётся к стене, Лэй Цзюнь едва сдерживал смех.

— Отлично! Взгляд живее, эмоцию держи! Да, вот так! — азартно кричал Алекс, щёлкая затвором и требуя новых ракурсов.

Отсняв первую серию, фотограф скомандовал перерыв. Стилисты тут же коршунами налетели на Лэй Цзюня. Рубашку с него сорвали буквально одним движением, тут же натягивая следующую вещь — в этой сфере церемониться было не принято.

Линь Хэ, наблюдавший за процессом, округлил глаза.

«Ничего себе... Оказывается, звёзды раздеваются без всякого стеснения. А парень-то в отличной форме, есть на что посмотреть»

Лэй Цзюнь тем временем снова снялся в ещё одной серии, под раскалёнными софитами он изрядно взмок. По его лицу покатались крупные капли пота. Гримёр уже дёрнулся было исправить неполадки пудрой, но Алекс резко остановил его:

— Не трогай! Оставь как есть! Это шикарно, такой первобытный, дикий нерв!

Отщёлкав ещё десяток кадров, Алекс внезапно опустил камеру. Он озабоченно потер подбородок, вглядываясь в монитор:

— Нет, всё равно чего-то не хватает...

— Алекс, может, сделаем паузу? Господин Лэй уже на пределе, — осторожно вмешался Джули, протягивая воду.

Фотограф лихорадочно блеснул глазами. Он мёртвой хваткой вцепился в плечо ассистента:

— Ты! Точно, ты! Быстро в кадр к Лэй Цзюню!

Джули в ужасе побледнел и мёртвой хваткой вцепился в ближайшую световую стойку:

— Нет-нет-нет! Я абсолютно нефотогеничен! Пощадите!

Но Алекса чужие протесты не волновали. По его щелчку Джули скрутили, утащили в гримёрную и через десять минут вытолкнули обратно, взъерошенного и испуганного, прямо под прицел объектива, вплотную к Лэй Цзюню.

— Да расслабься ты! Что ты стоишь как гробовая доска?! Мне нужен живой человек, а не манекен из магазина!

— Ближе, ближе друг к другу! Мать твою, я просил посмотреть на него с нежностью, а не сверлить взглядом, словно ты его зарезать хочешь!

— Улыбнись! Слышишь? Улыбку изобрази!

Промучившись полчаса, Алекс со стоном признал поражение. Выжатый до капли Джули буквально рухнул на пол студии:

— Я же говорил... Камера меня ненавидит...

Линь Хэ на цыпочках подошёл к бедняге и шутливо ткнул его пальцем в бок:

— Да ладно тебе. У Лэй Цзюня всё так легко получается, а ты будто на плаху сходил.

Джули прикинулся ветошью и драматично прошептал:

— Великий писатель... Моё время пришло... Оставляю господина Лэй на тебя. Береги его, умоляю...

Линь Хэ соорудил кислую мину:

— Издеваешься? Я сам без посторонней помощи выжить не могу.

— Неважно! — Джули вцепился в его рукав последним отчаянным жестом. — Рядом с тобой он хотя бы вспоминает, что он человек, а не бессмертный робот. Напоминай ему есть и спать, ладно?

— Ладно, уговорил. Покойся с миром, — с предельно серьёзным лицом кивнул Линь Хэ и накрыл лицо Джули своей курткой.

Лэй Цзюнь подошёл к фотографу, недовольно нахмурившись:

— Алекс, совместный кадр действительно так необходим?

— Пойми ты, — простонал Алекс, хватаясь за голову. — «Робинни» — бренд исключительно мужской одежды, здесь не должно быть женских силуэтов. Но концепт этой коллекции — недосказанность, флирт, химия чувств! Как мне передать это в одиночном кадре?!

— Тогда найми профессионального манекенщика, — рассудительно предложил актёр.

— Да где я его сейчас возьму? Все топовые парни слишком раскачанные и высокие, они просто перетянут внимание на себя, а мне нужен контраст, мягкость! — Алекс задумчиво покрутил объектив.

Лэй Цзюнь случайно скользнул взглядом по Линь Хэ, который увлечённо донимал лежащего на полу Джули. В голове актёра что-то щёлкнуло. Он подошёл к парню, бесцеремонно поднял его на ноги и подвёл к фотографу:

— А как тебе этот вариант?

Алекс замер. Он принялся обходить Линь Хэ по кругу, сканируя его взглядом с ног до головы, оценивая пропорции, костную структуру, свет на скулах. Линь Хэ аж передёрнуло от такого беспардонного осмотра, по коже побежали мурашки.

— Ну-ка, сделай пару шагов вперёд, — задумчиво протянул фотограф.

Ничего не понимая, Линь Хэ послушно прошёл пару шагов, а затем растерянно обернулся к Лэй Цзюню, безмолвно вопрошая: «Что за дичь тут творится?»

— Да это же просто идеальное попадание! — Алекс с размаху хлопнул себя по бедру.

По одному его жесту ошалевшего Линь Хэ окружила толпа ассистентов. Не успел он даже пикнуть, как его подхватили под мышки и уволокли в гримёрную. Два визажиста наперебой заработали кистями, укладывая его непослушные волосы и тонируя бледную кожу. Следом ворвался стилист с вешалками. Линь Хэ пытался судорожно цепляться за свои джинсы, отстаивая остатки чести, но его без лишних сантиментов раздели до трусов и нарядили в шёлковую дизайнерскую рубашку свободного кроя.

Когда всклоченного, но преобразившегося до неузнаваемости писателя вытолкнули на съёмочную площадку, он тут же бросился к Лэй Цзюню и уткнулся лбом в его плечо, комично завывая:

— Всё кончено... Меня растоптали... Они просто звери, у них нет сердца!

Увидев эту картину, Алекс защёлкал затвором как умалишённый, ловя живую эмоцию.

— Ну всё, тихо, — посмеиваясь, Лэй Цзюнь ласково погладил парня по спине. — Через это проходят все, кто переступает порог студии. Тем более тебе безумно идёт этот образ.

Линь Хэ, однако, комплиментов не оценил. Обиженно надувшись, он уселся спиной к камерам

прямо на пол и принялся увлечённо чертить пальцем невидимые круги. Лэй Цзюнь опустился рядом, мягко взъерошил его волосы на затылке и терпеливо принялся объяснять, что это просто работа.

Алекс в это время едва пальцы не сломал, безостановочно нажимая на спуск — кадры выходили невероятно интимными и естественными.

Кое-как успокоив упрямца, Лэй Цзюнь вывел его к софитам. Сам он встал чуть позади, хозяйски положив ладонь на плечо Линь Хэ. Парень зажался, растерянно оглядываясь через плечо на партнёра. Лэй Цзюнь тепло и ободряюще улыбнулся ему в ответ.

Именно этот секундный проблеск — один робкий полуоборот, один ласковый взгляд сверху вниз — и поймал объектив Алекса.

— Божественно! — заорал фотограф на всю студию. — Это шедевр!

К обеденному перерыву Линь Хэ уже едва держался на ногах от усталости. Пришедший в себя Джули принёс им пластиковые контейнеры с обедом и, протягивая палочки, восторженно заметил:

— Господин Линь, а вы в кадре смотрите просто потрясающе! Настоящая звезда.

— Скажешь тоже, — уныло ковыряясь в рисе, пробормотал Линь Хэ. — Это Лэй Цзюнь красивый. А я так, декорация ходячая. Из реквизита.

— Для первого раза ты держался великолепно, — Лэй Цзюнь опустился на диван рядом с ним, ободряюще улыбнувшись.

— Слушай, — Линь Хэ с набитым ртом смешно зашевелил губами, — я вообще-то тоже личность известная. Мне за эти мучения надбавка полагается?

Лэй Цзюнь прыснул:

— Без проблем. Сколько хочешь?

Парень хитро прищурился и по-разбойничьи растопырил ладонь:

— Ну, как минимум вот столько нулей!

Улыбнувшись, Лэй Цзюнь вышел в коридор и быстро набрал номер Чжун Цзыбая. Вернувшись через пару минут, он подмигнул Линь Хэ:

— Договорился. Выпишем тебе самый жирный чек.

Смертельно уставшие, они быстро расправились с обедом и, тихо переговариваясь, незаметно уснули прямо на широком диване в углу павильона. Линь Хэ уткнулся лицом в колени Лэй Цзюня, свернувшись калачиком. Сам актёр откинулся на спинку дивана, его рука расслабленно покоилась у самой головы парня, бережно придерживая наброшенное на его плечи брендовое пальто...

Проходивший мимо Алекс едва не выронил кофе. Мгновенно сориентировавшись, он жестами приказал ассистентам бесшумно выставить мягкий контровой свет и сделал ещё один, пожалуй, самый искренний кадр за весь день.

Короткий сон вернул им немного сил. Во второй половине дня мучения продолжились: съёмка ещё двух серий одежды, смена образов, бесконечные безумные идеи Алекса с вентиляторами и брызгами воды... К концу дня оба вымотались окончательно. Наконец фотограф милостиво объявил, что съёмка окончена, исходники отправляются в ретушь, и они свободны.

Чтобы не столкнуться с караулившими у главного входа папарацци, Лэй Цзюнь увёл Линь Хэ через служебный выход. Джули отправился на подземный паркинг за машиной, оставив их ждать у неприметной двери. Сумерки быстро сгущались, уличные фонари ещё не зажглись, и глухой переулочек утонул в злобещих серых тенях.

Вдруг Лэй Цзюнь почувствовал, как из темноты к ним кто-то приближается. Обострившееся чутьё актёра сработало мгновенно: он инстинктивно шагнул вперёд, закрывая Линь Хэ своим телом. В ту же секунду из подворотни выскочили несколько неясных фигур. В их руках что-то злобеще блеснуло, и неизвестные с размаху швырнули это в сторону мужчин.

— Берегись! — только и успел выкрикнуть Лэй Цзюнь.

Он резко развернулся, намертво сжимая Линь Хэ в объятиях и подставляя под удар собственную спину.

<http://bllate.org/book/20530/2132249>